

АЛЕКС БЕЛЛ

ДУМАЙ КАК ВЕЛИКИЕ

ГОВОРим С МЫСЛИТЕЛЯМИ
О САМОМ ВАЖНОМ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)3
Б43

Белл, Алекс.

Б43   Думай как великие. Говорим с мыслителями о самом важном /
Алекс Белл. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Думай как
император).

ISBN 978-5-04-158906-6

Мы привыкли думать, что философия — это скучно и сложно. Но авторы великих идей — Платон, Будда, Лао-цзы, Декарт и другие — были в первую очередь людьми, причем весьма неординарными. На страницах книги каждый из них рассказывает о своих концепциях сам, живым и понятным языком. Вы перенесетесь в прошлое и узнаете, как родились идеи, которые формируют настоящее и будущее — идеи, за которыми стоят лучшие умы человечества.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)3

ISBN 978-5-04-158906-6

© Алекс Белл, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Каждый человек задумывался о том, кто он, откуда взялся он сам и окружающий его мир, как возник уникальный голос его внутреннего «я», для какой цели он пришел на эту землю, и что останется после него.

При всей важности этих вопросов наука и сегодня, к сожалению, не может дать на них однозначный ответ. Но сам поиск ответа становится стимулом, который ведет вперед лучшие умы планеты. Этот поиск и неустанное развитие человеческого интеллекта вместе с расширением наших знаний происходит непрерывно вот уже несколько тысяч лет.

Сейчас, когда люди, родившиеся в XXI веке, уже становятся совершеннолетними, а скорость изменений в мире и потоки информации вызывают головокружение, одна из главных исчезающих ценностей — роскошь приятного, неторопливого, вдумчивого человеческого общения.

Знакомая нам сегодня картина мира и принятые обществом системы ценностей возникли не вчера. Все они формировались постепенно с глубокой древности. Это был долгий и трудный путь. Некоторые особенно выдающиеся мыслители выдвинули в свое время настолько сильные и яркие новые идеи, что их имена стали бессмертными, а их мысли и открытия и сегодня влияют на мир, который нас окружает.

Давайте представим, что нам, сегодняшним людям, выпал уникальный шанс — встретиться с этими мудрецами и визионерами и задать им вопросы о том, что нас волнует. Каковы были бы их ответы?

Из этой книги каждый сможет почерпнуть для себя идеи, созданные самыми яркими умами в мировой истории, изложенные понятным и близким нам языком. И, разумеется,

ДУМАЙ КАК ВЕЛИКИЕ

с пользой применить эти знания на практике — чтобы сделать более разумной, приятной и счастливой свою собственную уникальную и неповторимую жизнь.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА:

Путешествия в прошлое невозможны, так как они нарушали бы физический принцип причинности. Книга является художественным вымыслом, но ее содержание основано на исторических фактах и оригинальных работах избранных мыслителей.

«Я бы обменял все свои технологии на один день разговора с Сократом».

Стив Джобс,
основатель компании Apple

«Если я видел дальше других, то только потому, что стоял на плечах гигантов».

Исаак Ньютон,
изобретатель физики как науки

«Наступит время, когда все станет известным, закончатся споры о законах физики, и именно тогда... придет время философов».

Ричард Фейнман,
Нобелевский лауреат,
выдающийся ученый-физик XX века

Оглавление

Предисловие	3
Предыстория. Миссия выполнима.	9
Глава 1. Рассвет единого Бога (Заратустра)	10
Глава 2. Только этот путь (Дао Лао-Цзы)	21
Глава 3. Наслаждение порядком (Конфуций)	31
Глава 4. Ничего снаружи, все в тебе (Будда Шакьямуни) . .	43
Глава 5. Вселенная — в логике, музыке, числах (Пифагор)	57
Глава 6. Первый человек (Сократ)	69
Глава 7. Мир волшебных идей (Платон)	80
Глава 8. Наука начинается здесь (Аристотель)	94
Глава 9. Все оттенки удовольствия (Эпикур)	108
Глава 10. Стойкость среди безумия (Сенека)	121
Глава 11. Глашатай нового мира (Апостол Павел)	135
Глава 12. Искусство самосозерцания (Марк Аврелий). .	148
Глава 13. Вера и разум (Августин Блаженный).	161
Глава 14. Покорность и служение (Усман ибн Аффан) . .	175
Глава 15. Тело и душа (Авиценна)	191
Глава 16. Вера в человека (Омар Хайям)	205
Глава 17. Доказательства бытия Бога (Фома Аквинский)	218

ДУМАЙ КАК ВЕЛИКИЕ

Глава 18. Загадка творчества (Леонардо да Винчи) . . .	232
Глава 19. Власть как религия (Макиавелли)	245
Глава 20. Дорога к звездам (Николай Коперник)	259
Глава 21. Вера для новой эпохи (Мартин Лютер)	272
Глава 22. Метод познания (Френсис Бэкон)	287
Глава 23. Мысль — значит, существую (Рене Декарт) .	302
Глава 24. Вселенная — это субстанция, матрица (Барух Спиноза)	317
Глава 25. Спор титанов-основателей (Готфрид Лейбниц и Исаак Ньютон)	332

Предыстория

МИССИЯ ВЫПОЛНИМА

Место: Нью-Йорк, офис главного редактора
медиа-холдинга New York World Times

Время: 2054 год

— **С**эр, я по-прежнему не могу понять, что вы от меня хотите.

— Все довольно просто. Например, вы хотите побывать в Египте первого века до нашей эры, чтобы оценить, так ли уж прекрасна и искусна в постели была царица Клеопатра. Правда лично вам предстоит заняться кое-чем другим: встретиться с людьми, сформировавшими самые влиятельные идеи в истории человечества. Пообщаться с ними. Узнать о них как можно больше. И рассказать затем об этом нашим разработчикам. Видите ли, все доступные в мире научные и философские тексты в наши нейросети уже загружены. Чтобы они развивались дальше, нужно нечто принципиально новое. Личный опыт, зафиксированный в нейронах вашего мозга.

— Вы хотите сказать, я окажусь в прошлом, где все будет происходить как бы на самом деле?

— Примерно так, да. Что-то вроде сверхтехнологичного, невероятно правдоподобного варианта дополненной реальности. По-настоящему переместить вас во времени мы, конечно, не можем. Но даже и такой шанс выпадает немногим.

— Что ж, считайте, что я согласен. Давайте начинать.

Спустя полчаса я уже лежал дома в наушниках, слушая свой любимый прогрессив-рок семидесятых, о котором теперь мало кто помнит. Я начинал засыпать, но вместо привычных обрывков прошедшего дня мне предстояло увидеть нечто совершенно иное — отстоящее на сотни и тысячи лет. История почти наяву.

Глава 1

РАССВЕТ ЕДИНОГО БОГА (Заратустра)

Место: Древняя Парфия, восточная часть Иранского нагорья (север современного Ирана)

Время: 950 год до нашей эры

Трудный, изматывающий донельзя день. Хорошо, что под вечер начался сильный дождь, буквально тропический ливень. Ткань моей нехитрой одежды — серого льняного хитона до колен — промокла насквозь, но меня это не заботило: напротив, я почувствовал себя гораздо лучше.

Мои плечи, руки, истерзанные и онемевшие после напряженной физической работы в течение многих часов, омытые потоками небесной воды, почти перестали ныть. Кожа на ладонях, покрытая мозолями до потери чувствительности, как будто очистилась, раны на ней зарубцевались. Кажется, никогда в жизни я не был так рад дождю.

Все утро я, не останавливаясь, носил на вершину холма трупы. Мертвецов было много, к полудню их телами была покрыта вся вытоптанная и выложенная острыми камнями площадка вблизи вершины. В этом городке, затерянном на границе гор и великой пустыни на северо-востоке Парфии, бушевала эпидемия, мор. Среди свежих тел у подножия холма были и как будто только что заснувшие дети с черными как смоль волосами и длинными ресницами, и седые старики, и молодые женщины. Мертвецов было много: сотни, тысячи. Большинство скончались недавно, накануне или этой ночью, но тяжелый запах гниющей человеческой плоти уже стоял в воздухе.

В это утро с рассвета я работал насусаларом — мойщиком и носильщиком трупов. В Индии это самая презираемая

работа, ею занимаются люди из нижнего слоя касты неприкасаемых. Но здесь, на землях индоариев, на нее смотрели иначе: носильщики трупов помогают умершему пройти по лезвию, не упав вниз, и достичь прекрасной Долины Песен. Я стоял над телом мальчика лет восьми, с темными волосами, красивыми чертами лица, бледной алебастровой кожей.

— Слава Ахурамазде! Ему не пришлось мучиться. Болезнь не успела покрыть его тело язвами. Значит он заболел вчера днем, и умер от лихорадки ночью. Начни с него. Потом займешься взрослыми. Они гораздо тяжелее, — обратился ко мне невысокий кареглазый мужчина с торчащей вперед черной бородой, командовавший мойщиками тел.

На вид ему было лет сорок пять, но на самом деле, вероятно, не больше тридцати: изнурительная работа под палящим солнцем старит довольно быстро. Я приподнял с земли тело мальчика, ловя себя на мысли, что подспудно боюсь причинить ему боль. Он выглядел как живой, и лишь неестественный холод тела давал понять, что это не так. Всех умерших сначала надо было тщательно омыть водой, а затем, с трудом сгибая их отекающие, деревянные конечности, одеть каждого в седре — белую рубаху с девятью широкими швами, символизирующими девять составляющих человека. Даже у самых бедных местных крестьян есть хотя бы одна такая тонкая белоснежная рубаха, которую хранят с детства. Затем мертвых надлежало перевязать поясом кошти, сплетенным из тонких полосок овечьей шерсти, таким же белым. Этот пояс дарят младенцам при рождении, с ним же человек и уходит: кошти — своего рода духовная пуповина, вечная связь с Ним — величайшим и благодетельным творцом нашего мира.

Я спросил, зачем нужно нести мертвых на гору, почему их нельзя просто похоронить в земле. Старший посмотрел на меня сначала удивленно, но затем, вспомнив, что я нездешний, пояснил:

— Бог создал мир из четырех чистых священных стихий: огня, воды, воздуха и земли. Человеческая плоть и душа, созданные Им, тоже чисты. Но смерть — это зло, самое страшное. В момент смерти телом человека овладевает Ахриман,

злой дух, подручный верховного демона. Это из-за него мертвые тела гниют и от них так дурно разит. Поэтому человека нельзя ни хоронить в земле, ни сжигать, ни класть вблизи источника, чтобы не загрязнить их высшим злом. К умершему нельзя подходить ближе, чем на тридцать шагов: демон коварен, легко может перескочить и в твою душу.

— А как же тогда мы?

— У нас есть особое разрешение от самого первосвященника. Кроме того, после работы вечером нам надо вслух читать Гаты, песни Бога, пред наичистейшим огнем.

— А ты сам видел первосвященника?

— Да, но всего пару раз в жизни. В обычных мистериях нашей общины он появляется редко. А в его великий храм на горе вход разрешен лишь абсолютно чистым людям и его доверенным слугам. Не таким, как мы с тобой.

— Вас туда не пускают стражи первосвященника?

— Нет, его храм не охраняется. Но запрет священен, и потому никто не посмеет нарушить его и навлечь на себя гнев Господа.

Капли пота стекали по моему лбу и спине, я дышал тяжело и надрывно. Тащить вдвоем носилки на вершину холма вверх по склону, по скользким, предательски осыпающимся мелким камешкам — настолько изматывающее дело, что хотелось лишь одного: бросить все и уйти. Но нас было мало, а все трупы должны оказаться на вершине точно к полудню. Тогда диск солнца и с ним сам Ахурамазда окажутся на вершине небосвода, чтобы обратить на умерших свой божественный взор. Солнце восходило быстро. Оставалось только упорно идти, преодолевая боль.

Мы успели. Тела в нарядных белых одеждах теперь были аккуратно сложены на ровной каменной площадке — дахме. Мы присели рядом ненадолго, только чтобы перевести дух. Кто-то поправил висевшие на вбитых в землю высоких шестах широкие белые ленты, заметные издали, чтобы никто случайно не приблизился к этому проклятому месту.

Огромная стая из сотни крупных грифов сидела буквально в десяти метрах от нас. Они не торопились, ожидая свою за-

конную добычу. Стоит нам уйти, и они всей стаей набросятся на трупы. Начнут выклевывать им глаза, чтобы побыстрее добраться до вкусного питательного мозга, затем станут потрошить кишечник, отрывать запястья, чтобы унести большие куски мяса в гнезда своим птенцам. Никто не знает, сколько точно времени нужно, чтобы кости, как того требует закон, стали белыми и блестящими. Обычно за ними приходят через месяц: к тому времени кости полностью лишаются плоти, впитавшей в себя зло и грех. Их аккуратно складывают в погребальные урны на том же холме.

Наконец мы ушли, но один из нас все же остался. Ему предстояло дежурить у трупов до ночи, чтобы проклятые язычники, индийские бродяги агхори, поедающие свежие трупы людей для укрепления своих духовных сил, не разграбили дахму и не навлекли величайший грех ни на себя, ни на умерших.

Язычники. Старший заговорил о них, спускаясь с горы:

— Разум этих несчастных людей находится в непроглядной тьме. Они верят, что Вселенной управляют множество богов и божков, похожих на нас, простых людей. Какая несусветная глупость. Ахурамазда не похож на людей. Он абсолютно бесплотен и не подобен никому и ничему. Он находится везде и не находится нигде. Он — единственная причина всех вещей, всех событий и он же — единственный исход всего и вся. Он — луч солнечного света. Прямо сейчас он слышит наш разговор. Он смотрит за нами непрерывно, каждое мгновенье. Когда мы умрем, он решит, сколько каждый из нас сделал добра или зла на этой земле. Умерев, мы окажемся там, где прямо сейчас находятся те, чьи тела мы только что носили. Там нам предстоит пройти по тонкому как лезвие мосту Чинвад. Если Ахурамазда рассудит, что мы причинили миру больше зла, чем добра, то мы не дойдем до конца моста. Соскользнем вниз, прямо в кипящее масло. Но если мы были на стороне добра, нас ждет вечное блаженство. Там, в Долине Песен, мы всегда будем молоды, здоровы и красивы. Нас, как суженых мужей, ждут пригожие девы на ложах, разубранных подушками, в золотых brasлетах и ожерельях. У них тонкий

стан, длинные пальцы, они столь прекрасны, что сладостно смотреть. Дочери светлой Аши, всепроникающей доброты и праведного пути. Эх, оказаться бы там прямо сейчас...

Внизу солнце палило сильнее. После того, как мы утолили жажду колодезной водой, показавшейся теперь мне прекраснее изысканного вина, старший призвал нас на молитву:

— Кажется, полдень. Преклоним колени пред всемогущим и милосердным Ахурамаздой.

После молитвы я вновь спросил:

— А что еще есть в этой прекрасной долине?

— Табуны сильных, чистокровных лошадей, которые слушаются малейшего движения руки всадника. Озера, прохладные и прозрачные как слеза. Кладовые, полные серебра и злата без меры. Вечная радость. Мы увидим момент, когда Господь окончательно победит Ангра-Майнью, верховного демона, противника добра. После этого вся Вселенная станет как одна райская долина.

— А что станет с женщинами? С язычниками?

— Женщины, если они были скромны, благочестивы и верны мужу, пройдут через мост бок о бок с мужчинами. Ахурамазда, в отличие от всех придуманных божков, не делит людей по полу. Пред ним все едины, как дети пред добрым, щедрым отцом. Язычники, конечно же, попадут в ад. Не познав мудрость мира, не услышав Слово великого Пророка, им не перейти через мост.

Поблагодарив за питье и скромную пищу, я ушел. Мне не страшно было нарушить запрет и пересечь порог храма пророка Солнца. Кроме того, я знал, что именно сегодня ему грозит огромная опасность. Да, я не вправе вмешиваться в ход истории. Но кто знает, может быть, мои действия в прошлом когда-то и предопределили его?

Храм Заратустры (так родители нарекли то ли пророка, то ли первосвященника) стоял на горе далеко от города. Места здесь беспокойные, если не сказать больше. Много лет назад, когда пророк был молод, он открыл суть своего учения правителю ариев, который принял его веру и делал все, чтобы как можно больше подданных обратились в нее. Но

теперь пророк был уже немолод, и все изменилось. Прежний правитель умер, началась смута. Если бы не сильно разросшаяся община, новый царь, не принявший учение о Свете и едином Боге, казнил бы даже самого пророка. Теперь его сторонники вынуждены были собираться на молитвы тайно, под покровом ночи, в небольших пещерах. А сам Заратустра укрылся в небольшом храме на холме посреди пустынной долины почти в полном одиночестве, не считая самых близких жрецов и нескольких преданных слуг.

Но сейчас даже и этому хрупкому миру грозила смертельная опасность. Племена из дикой, почти первобытной горной Бактрии, неуютного края (позже его назовут Афганистаном), как чума опустошали соседние страны, совершая жестокие грабительские набеги. Я знал, что именно сегодня бактрийцы вторгнутся в земли индоариев и, как обычно, не станут щадить ни женщин, ни детей.

Станный сильный дождь, столь необычный для этих мест в такое время года, поначалу не на шутку испугал меня. До храма пророка от города нужно было идти километров пятнадцать. По пути мне пришлось пересечь узкую, неглубокую, но довольно бурную речку с водой темно-оранжевого от песка и растений цвета. Ее течение могло бы убить меня, увлечь в водоворот чуть ниже по реке, если бы не старый прогнивший канатный мост. Цепляясь за его поручни, с замершим от страха сердцем я все-таки перебрался на тот берег. Заросшая тропа вела мимо пустых вымерших деревьев, по бесплодной равнине, вдоль каменистых холмов. На склоне одного из них издали я заметил небольшую стаю волков. Я знал, что местные считают волков, как и змей, порождениями дьявола. Волки меня учуяли и подняли головы. Но в этот момент они разделявали чью-то массивную тушу и не стали на меня отвлекаться.

Дождь прекратился, когда я достиг нужного мне холма. Каменный храм на вершине, с массивными стенами, оказался совсем небольшим, высотой всего метра три. Я даже не смог сразу разглядеть его очертания через листву деревьев. Поднимаясь по склону и стараясь привлекать как можно меньше

внимания, я заметил двух людей с бородами, в белых одеждах, похожих на те, в которые мне утром пришлось одевать мертвецов, только гораздо богаче. Их одеяния украшались затейливой вышивкой, а на пальцах красовались перстни с драгоценными камнями. Они о чем-то очень оживленно говорили, почти кричали, но содержание беседы я разобрать не смог. Внизу, с другой стороны горы, их ждали несколько вооруженных слуг и пара повозок с лошадьми. Дождавшись, когда все они уедут, я поднялся к храму.

Прежде чем заглянуть внутрь, я почувствовал запахи. Ветер окропил меня каплями с нависших веток деревьев. Это была удивительная смесь запахов. Кажется, что природа после дождя переродилась, и чахлые, сожженные солнцем растения вдруг начали источать терпкий сладкий аромат. И было еще что-то в этом запахе, чего я не могу объяснить словами — нечто волшебное, что-то, чего в наше время природа уже не создает.

Быстро смеркалось. Из-за дверей храма ветер разносил легкий белесый дым. Наконец я заглянул внутрь. Не знаю, сколько лет было этому человеку. Может быть, немного за пятьдесят, может, гораздо больше. Я многое повидал в своей жизни, но столь величественных людей вряд ли встречал.

Он был высок, широк в плечах, одет в такие же белые, словно снег, одежды. Его массивный пояс был украшен золотыми вставками. Одухотворенное, благородное лицо обрамляла окладистая почти седая борода. Человек молился вполголоса. Его голова была поднята вверх, к каменному потолку, через щели которого пробивался еще яркий, хотя и предзакатный красноватый солнечный свет. На постаментах перед ним и вдоль стен храма горел огонь в керамических сосудах (но странным образом на стенах храма не виднелось следов копоти, не было и запаха дыма). Молитва первосвященника, произносимая мелодично на разные лады, была похожа на затейливую магическую песнь. Я понимал парфянские наречия, на которых говорили окружающие, но этот язык был иным, лишь отдаленно похожим. Из слов песнопений я не

понял ничего, но их дух, настроение, мелодика завораживали так, что я был не в силах шагнуть внутрь.

Служитель сделал паузу, произнес еще несколько слов на все том же древнем, малопонятном наречии, запрокинул голову, глядя вверх с поднятым указательным пальцем правой руки, словно напряженно ожидая чего-то. Спустя несколько мгновений случилось чудо: солнце оказалось прямо над небольшим окошком у западной стены храма и через него яркими красными лучами осветило первосвященнику лицо. Оно бросило лучи на его фигуру, на одежды — словно разговаривая с ним. Священник поднял вверх обе руки, лицо его источало блаженство, кажется, совершенно неземное. Беззвучно, все так же с поднятым пальцем, он произнес несколько слов, обращенных, кажется, прямо к лику Господа. Через мгновение солнце опустилось ниже, перестав проникать через окно. Внутри храма стало намного темнее, чем прежде — теперь его освещал только горящий в сосудах огонь.

Я смелее зашел внутрь. Увидев меня, величественный священник вздрогнул, но тут же его глаза вспыхнули гневом, и он громогласно спросил, кто я такой.

— Я посланец нашего господина, правителя. Он собирает войска, чтобы дать отпор врагу. Он передает, что вам грозит великая опасность, и что прямо сейчас, не мешкая, надо уходить отсюда. У меня есть оружие, я знаю тайные тропы и надежное место — пожалуйста, следуйте за мной.

— Я знаю о вторжении. Меня предупредили слуги. Как раз сейчас я молился Мудрому Господину, Ахурамазде, чтобы эта напасть прошла стороной, и мои люди не пострадали. И он ответил мне, что с ними все будет в порядке, а захватчики будут разбиты.

— Он сам вам ответил?

— Да. Я слышу его голос и его слова вот уже много лет.

— Простите. Я мало знаю о вашей общине. Я сам принадлежу другой вере.

Заратустра повернул голову к окну, в котором заблестели последние яркие лучи заката. Посмотрел вверх, что-то прошептал и вновь поднял палец.

— Что означает этот жест?

— Я не знаю, какую веру ты исповедуешь, и скольким ложным богам молишься. Я поднимаю голову к небу и солнцу, к их творцу — великому, милосердному, вечному Господу. Поднятый палец означает, что Бог — один, и я обращаюсь к нему, вижу его лик, перед красотой которого меркнет даже само солнце. Язычники верят, что богов много. Каждому из них надо приносить свою жертву, чтобы тебе сопутствовал успех. Глупцы. Господь — един. И ему не надо приносить жертв. Разве дети приносят жертвы своим родителям? И Бога не надо просить об удаче в обыденных, мирских делах. Он и так деятельно заботится о каждом, кто идет по праведному пути. Обо всех тех людях, через которых добра в мире становится больше.

— Почему Господь выбрал своим проводником именно вас?

Заратустра удивленно посмотрел на меня. Видимо, немногие простые смертные отваживались задать такой вопрос. Но что-то в моем голосе и моем взгляде его заинтересовало.

— Я сам спрашиваю себя об этом каждый день, но ответ узнаю, наверное, уже не в этом мире. До тридцати пяти лет, до почтенного возраста, я был простым человеком, и мне казалось, что я уже все имел и все постиг. Я был скотоводом и торговцем лошадьми, я был богат, у меня было три прекрасных жены и много детей от них. Казалось бы, о чем еще мечтать. Однажды я должен был устроить большой праздник. Рано утром я подошел к реке, чтобы напиться и набрать воды. В этот миг я услышал повелевающий голос, который сказал мне, что отныне я должен нести людям свет и открыть им правду. Потом Господь говорил со мной еще много дней. Вот уже двадцать лет я делаю все, что Он мне повелевает.

— Господь сам следит за всем? У него на небесах нет помощников?

— Конечно, есть. Его правая рука — великий Митра, посредник между Богом и земным миром. Митра — воплощение заботы; он следит за тем, чтобы среди людей царил мир, они не нуждались и не голодали. Его левая рука Аша — жен-

ский дух, воплощение добра и праведности, согревает души и помогает людям не поддаваться соблазнам демонов, влекущих их в ад. Есть и много других посланцев Ахурамазды, его творений. Но все они лишь исполняют его всевышнюю волю.

— Пророк, для чего в храме столько огня?

— Из четырех земных стихий огонь — самая главная. Огонь горит внутри самого солнца, благодаря которому в мире существует все живое. Огонь все время очищает сам себя. Огонь, который ты видишь в моем храме, был дарован мне самим Господом. Молния много лет назад попала в сухое дерево на склоне этого холма. Я бережно перенес горящую ветвь сюда, пламя наполнило этот большой священный сосуд, и с тех пор огонь в нем не угасал ни разу. И, я надеюсь, не угаснет никогда. Ведь это означало бы, что Господь лишил людей своей милости.

— Простите, что прерываю. Я слышу топот лошадей и голоса. Великий пророк, нам надо бежать сейчас же.

Первосвященник усмехнулся. Солнце уже почти село, на потолке и стенах храма гуляли неровные тени и блики, то появляясь, то исчезая. Лишь негромкий треск огня нарушал тишину.

— Неужели ты, посланец, думаешь, что твой господин могущественнее Ахурамазды, который сам только что говорил со мной? Да исполнится его воля. Я сделал все, что было в моих силах. Похоже, мой путь близок к концу. А ты уходи, спасайся.

Я хотел возразить, но понял, что это бесполезно. Мне осталось только повиноваться. Я выбрался наружу, укрывшись за деревьями, исчезая во тьме быстро спустившейся беззвездной ночи.

Храм был прекрасно виден, ярко освещенный изнутри. Бактрийские воины в доспехах, с бронзовыми щитами, с дикими лицами вбежали внутрь, что-то громко крича. Затем один из них ударил первосвященника клинком плашмя по голове. Тот молча согнулся, и бактрийцы с криками, стали жестоко избивать его руками и ногами. Когда он потерял со-

знание, его выволокли наружу и ударом тяжелой деревянной палицы разнесли его голову.

Смеясь, бактрийцы вернулись в храм и долго искали в нем ценности. Не найдя ничего, от досады они разбили малые сосуды с огнем. Но когда настал черед главного сосуда, ни один из воинов так и не решился нанести по нему удар. Быть может, бактрийцы опасались, что пламя перекинется на них самих. Они вновь принялись рыскать по храму, пытаясь расколоть каменные плиты в полу. Затем принялись копать яму перед входом. Так ничего и не найдя, бактрийцы наконец спустились с холма и ускакали восвояси.

В последний раз я подошел к храму. Голова Пророка была обезображена, его лицо было невозможно узнать. Но одежды странным образом, несмотря на лужи крови повсюду, остались белыми и почти незапятнанными. Внутри храма был беспорядок, на полу валялись груды черепков разбитых сосудов вперемешку с комьями земли. Но большой круглый сосуд у главного алтаря остался нетронутым. Огонь в нем ровно потрескивал, как ни в чем не бывало, точно так же, как еще час назад, при жизни первосвященника.

У меня не было чувства, что на моих глазах свершилась трагедия. Напротив, произошедшее показалось мне чем-то возвышенным. Изменившим ход вещей.

Его смерть, кажется, и не могла быть иной. Конец гениального человека, первого в истории, поведавшего людям о расвете единого Бога. О его огромной, не имеющей границ отеческой любви к ним. А значит — и о неминуемой победе добра над злом в конце времен.

Ведь так говорил Заратустра.

Глава 2

ТОЛЬКО ЭТОТ ПУТЬ (Дао Лао-Цзы)

Место: Древний Китай, граница империй Восточная
Чжоу и Ци (современный центральный Китай)

Время: 557 год до нашей эры

Мне пришлось отдать начальнику пограничной заставы несколько золотых монет. Коррупция в Китае — что две с половиной тысячи лет назад, что сейчас — кажется, неискоренима.

Инь Си, на коне, в легких доспехах и шлеме, выглядел величественно. Это был сильный, уверенный мужчина в расцвете сил. Я просил его закрыть глаза на пересечение мною тщательно охраняемой границы в это беспокойное время. Я был явно не китайцем, что несколько упрощало дело. Да и плата была достойной: всего за пару таких монет можно купить приличный деревенский дом. Так что за эти деньги я хотел еще и кое-что узнать.

Инь Си снова смерил меня взглядом, попробовал монеты на зуб. Конечно, они были настоящими. Наконец, не без традиционного презрения к чужеземцу, Инь изрек:

— Так уж и быть, помогу тебе. Если сможешь объяснить, что и зачем ты ищешь.

Я хотел было ответить, что ищу Истину и ничего больше. Но он вряд ли оценил бы мою иронию. Я спросил его о произошедшем с утра.

— Ладно. Уговор есть уговор. Но запомни хорошенько. Если хоть один человек из Восточной Чжоу узнает о том, что я тебе расскажу, то я найду тебя где угодно, своими руками отрежу тебе язык и поджарю его на ужин.

Мы проследовали с ним в тесное каменное строение размером с сарай. Вокруг во все стороны простирался лес, свежий и благоухающий в этот весенний полдень. Здесь никто не смог бы нас подслушать.

Инь Си принялся рассказывать, как было дело.

На рассвете после дождливой ночи, он, как и каждое утро в последние несколько лет, совершал обход вверенной ему заставы. Редко кто пытался пересечь этот важнейший рубеж. Империя Восточная Чжоу занимала почти весь центр Китая, ее правители — ваны — вот уже пятьсот лет имели неоспоримый мандат неба на управление всем Китаем. Но в последние сто лет железная рука правителей Чжоу ощутимо ослабла, и от нее стали откалываться приграничные территории. Формально они признавали императора Чжоу своим сюзереном, платили ему дань, делали вид, что выполняют его приказы, но на самом деле с каждым годом становились все самостоятельнее. Самым опасным из таких новых государств была империя Ци.

Ци была невелика по территории, зато имела выход к океану, порты для торговли, и в этой стране процветали наука и искусство. Там были лучшие во всем Китае ремесленные мастерские, приносившие большой доход. Правители Ци уже почти перестали притворяться, что подчиняются Чжоу. Отношения накалились, и не случайно великий ван назначил главой пограничной заставы одного из самых преданных лично ему военных — Инь Си. Пересекать границу было запрещено всем, кроме лично знакомых Инь Си крупных торговцев и послов, имевших разрешение императора. Но я не являлся подданным Чжоу, я даже не был китайцем, поэтому на меня этот запрет распространяться не мог.

Во время утреннего обхода военачальник заметил приземистого старика, который шел через границу так спокойно, словно ее и вовсе не было. Это было неслыханной дерзостью, и Инь Си уже занес над головой большой хлыст, чтобы с силой, — возможно, до смерти, — отхлестать им странного бродягу, явно выжившего из ума. Но как только тот с озорной улыбкой поднял голову, они со слезами радости бросились друг другу в объятия.

Инь Си отлично знал этого человека еще с тех пор, как был юнцом. Звали его Лао-Цзы. На китайском, в зависимости от контекста, это имя означало «старый мудрец» либо «старый ребенок». Станным образом оба эти значения отлично подходили ему. Седые волосы и фигура пожилого мужчины сочетались в нем с почти детским задором, невероятной скоростью мысли и огромной любознательностью. Лао-Цзы умел читать, видимо, с рождения, и всю жизнь читал все, что ему попадалось. Он происходил из знатной семьи, и правитель назначил его смотрителем своей личной библиотеки, в которой хранились горы пергаментов, накопленные за века. Говорят, что этот книголюб мог читать месяцами напролет, все это время не выходя из архива. Там же Инь Си с ним и познакомился.

Позже библиотекарь оказал ему большую услугу. Семилетний племянник жены Инь Си, живший у важного богатого чиновника, скоропостижно умершего, по древним традициям должен был быть заживо погребен вместе с покровителем, так же, как жена чиновника, его наложницы и прислуга. Женщина горько оплакивала еще живого мальчугана, и Инь Си в отчаянии попросил у мудреца помощи. Тот во время аудиенции показал правителю древний манускрипт, который запрещал предавать живых детей погребению, а затем упрямил пощадить ребенка. С того момента Инь Си стал не только другом уважаемого архивариуса, но и отчасти его последователем.

Встретив Лао-Цзы этим утром (по счастливой случайности солдат рядом не было), он, конечно, не стал его задерживать. Инь Си с удивлением узнал, что тот попросил у правителя отставки со своей почетной должности. Он решил, что сделал все, что мог, для просвещения жителей Чжоу, и собирался полностью изменить свою жизнь, навсегда уйдя в Ци. Инь Си был крайне этим опечален. Он спросил Лао-Цзы, не оставил ли тот письменный трактат о своих идеях, превратившихся в очень популярное в среде образованных людей Чжоу учение. Мудрец ответил, что всю жизнь только размышлял, но так и не написал ни строчки.

Инь Си был не просто этим расстроен, он был в ярости. Он встал перед учителем во весь рост, стал трясти его за плечи (что, конечно, было совершенно неподобающим), сказал, что пока он жив, он не выпустит Лао-Цзы из страны. Тогда Лао-Цзы со своей привычной рассеянной улыбкой попросил принести несколько больших кусков пергамента и перо с чернилами. Несколько часов подряд он без отдыха диктовал Инь Си трактат «Книга пути (Дао) и достоинства». Закончив последнюю фразу, старик еще раз тепло и крепко обнял друга, а после встал и незамедлительно продолжил путь.

Они расстались всего пару часов назад. Опечаленный военачальник зашел домой и рассказал о случившемся жене. Та не могла ему поверить, а затем показала великолепный шейный платок из тончайшего шелка, вышитый ее руками золотой нитью, уберегающей от зноя. Она собиралась вскоре проведать родителей в столице и заодно зайти в библиотеку, чтобы подарить его Лао-Цзы.

Я сказал, что почти наверняка нагоню Лао-Цзы еще до заката и с удовольствием передам ему подарок. Инь Си поблагодарил, вручив мне платок (и в самом деле, дивной красоты), за которым сбегал к нему домой его подручный. Страж границы подробно объяснил, каким путем мне следует добираться в новую столицу империи Ци, куда держал путь мудрец. Она находилась не очень далеко — на расстоянии одного дневного пешего перехода от заставы.

После полудня солнце палило нещадно, но с листьев все еще капала скопившаяся за ночь вода, поэтому идти по тропе в густом цветущем лесу было приятно. Такого звонкого, разногласного гомона птиц мне, возможно, в жизни не приходилось слышать. Где-то в подлеске шуршали антилопы, наверное, там же рыскали тигры, и бог весть какие еще хищники, не истребленные человеком в ту давнюю эпоху.

Я едва не разминулся с ним. Пройдя часа три быстрым шагом, почти бегом, я уже практически проскочил мимо развилки, где в тени, у реки, вдали от тропы, решил присесть отдохнуть старый философ. Меня выручил лишь мой тонкий слух. По пути я постоянно прислушивался, не шуршат ли

в кустах, переступая, лапы изготовившегося к прыжку тигра. Вблизи же этого места я услышал тихие, нежные звуки игры на сяо — тонкой длинной бамбуковой флейте. Казалось, что мелодия вторит легкому ветерку в ветвях деревьев. Некоторое время я просто стоял, наслаждаясь ею, а затем, стараясь ступать как можно тише, подошел к игравшему.

Он сидел ко мне спиной. Я был уверен, что это и есть тот самый мудрец, хотя пока и не видел его лица. Действительно невысокий и хрупкий на вид, он сидел в укромном месте на камне у берега речушки, повернувшись к воде. Когда я подошел вплотную, старик не перестал играть — кажется, не услышал меня. Его крупный лоб выглядел необычно высоким и совершенно облысевшим, но на затылке росли густые волосы, абсолютно седые и длинные, почти до плеч. Звуки флейты стихли внезапно. Человек же остался сидеть, не оборачиваясь.

— Добра вам. Это вы — мастер Лао-Цзы?

Старик продолжал молчать, созерцая течение воды.

— Вы меня слышите? Я ремесленник и иду через много стран с далекого запада. Направляюсь в столицу Ци. Меня просили передать вам ценную вещь.

Я обошел его сбоку, вынул платок и показал ему. Лао-Цзы наконец посмотрел на меня, в его глазах мелькнула улыбка.

— Знаю. Я специально присел передохнуть, чтобы тебе не пришлось бежать за мной до самого вечера.

— Вы знали? Как?

— Знающий не говорит, говорящий не знает.

Неожиданно он протянул мне блестящий речной камушек, еще влажный от воды.

— Ты оказал мне услугу. Я должен заплатить тебе за это, но у меня нет с собой ни единой монеты. Возьми этот камешек на память. В нем запечатлена вся Вселенная. Как и в любой вещи.

Я принял подарок, отдал старику прекрасный платок (о том, откуда он, мудрец даже не спросил), который тот сразу же повязал себе на шею. Я присел на соседний камень. Снова повисла тишина.

— Инь Си по секрету рассказал мне о пергаменте, на котором он сегодня утром записал ваше учение. Я хотел его прочитать, но ваш друг отказался его даже показывать. Сказал, что это теперь главное государственное сокровище. Всю дорогу я шел и горько сожалел, что упустил такую возможность. Солнце еще высоко, а идти уже остается немного. Вы не могли бы рассказать, о чем это учение?

Пожилой философ снова задорно, но не без тени сомнения взглянул мне в лицо.

— Дело не в том, могу ли я рассказать, а в том, готов ли ты понять. Когда ученик готов, учитель сразу найдет. Для начала объясни, зачем тебе знать учение?

— Я не знаю точно. Я постоянно задаю себе сложные вопросы, и не так уж часто нахожу на них ответы. Порой мне кажется, что я полжизни проблуждал в темноте.

— Да, я вижу это. Ты выглядишь бледным и встревоженным. Тот, кто думает о прошлом — живет в тоске и печали, кто думает о будущем — в тревоге. Лишь тот, чей разум находится здесь и сейчас, в реальности истинной (в отличие от других реальностей, на самом деле не существующих), чувствует радость.

Мудрец взял пригоршню мелких камешков, бросил их в воду.

— Все беды человека — от того, что он сошел со своего пути. Каждый человек и каждая вещь в мире имеет свой путь. Счастлив и спокоен только тот, кто идет по дороге, предназначенной ему одному. Делает в жизни то, ради чего родился. Но большинство людей, к сожалению, сворачивают со своего пути. Кто-то или что-то их заставило. Хотя почти все могли отказаться и идти себе дальше, но им не хватило духа. Кому-то захотелось больше денег, кому-то славы, но чаще всего на людей слишком влияют чужие мнения, которые для них почему-то становятся важнее собственного. Не надо копаться в прошлом. Не надо чрезмерно заботиться о будущем. Видишь речку? Как тихо и спокойно струится ее вода. Как затейливо на ней играют лучи солнца. Она находится в полной гармонии с собой. А что же мешает тебе? Заметь, Природа никогда не спешит, но при этом никогда никуда не

опаздывает. Будь как она. Все вещи в мире случаются тогда, когда им предписано случиться. Попробуй помешать этому дивному порядку, естественному ходу всех вещей — и ты обречешь себя на вечные беды. Просто примешь мир, каким он создан — и твой дух воспарит от счастья. Довольствующийся собой — богаче прочих, ибо его богатство некому украсть.

— Просто так сидеть, ничего не делать и ни о чем не думать? В этом весь секрет?

— Это состояние называется У-вэй. Созерцательная пассивность. Не стремись изменить то, что ты не в силах изменить. Просто следуй своему пути.

— А в чем смысл окружающего мира? И откуда он вообще возник?

Лао-Цзы поднял голову, словно вглядываясь в облака.

— Путь Вселенной нельзя описать никакими человеческими словами. Попытаться сделать это значит наплодить новое незнание и заблуждения. Присвой любой вещи имя, и она тут же изменится навсегда, потеряет свою первоначальную сущность. Но человек слишком любопытен. Поэтому я все же отвечу на твой вопрос.

В основе Вселенной лежит Дао. Дао — порождение двух противоположных начал: Инь и Ян. Свет и мрак, холод и огонь, вода и твердь, мужчина и женщина. Когда Инь и Ян прикоснулись друг к другу, возникло Нечто. Затем в него вселился дух, позитивная энергия Дэ. Она оживила Нечто, превратив его в Дао; это привело в действие космические силы, дало начало постоянному движению. Сначала появилась одна вещь, потом две, затем их стало три. А из трех вещей, которых достаточно для бесконечного разнообразия свойств, возникла и вся безграничная Вселенная.

Дао не имеет формы, но определяет форму всего. Дао ничего не делает, но нет того, что оно не может сделать. Дао — как вода: оно есть гибкость и слабость, легко побеждающие любую силу. Дао так велико, что его нельзя увидеть, и в то же время настолько мало, что его нельзя увидеть. Дао создает вещи, но не владеет ими — оставляет их свободными. Кажется, что Дао пребывает в недеянии, но его деяния дея-

тельнее всех прочих. Дао никогда ни с кем не ссорится и ни с чем не воюет, поэтому его нельзя победить. Оно не говорит словами, но лишь оно делает все логичным и понятным. Следовать Дао — значит быть частью гармонии Вселенной. Тот, кто противится Дао, обречен на исчезновение.

— И все же откуда оно взялось? Ведь должен был быть миг, когда его не существовало?

— Этот вопрос задавать бессмысленно. До самого конца времен не родится мудрец, который сможет познать, откуда появилось Дао и что наполнило его духом Дэ. Вполне возможно, оно существовало всегда, ведь даже само время — суть его порождение. То есть до него времени просто не было. Кстати, мы с тобой — тоже проявление Дао. Его сила наполняет чудесными способностями и нас.

— Мудрец, дай мне немного времени, чтобы осмыслить твои слова.

Тон голоса Лао-Цзы казался тихим и вкрадчивым. Старик словно не говорил, скорее, его слова лились так плавно, что они и мягкий плеск воды как будто превращались в одно.

Я удивился, откуда в этом древнем учении так много современных понятий — просто мы представляем их себе и называем по-другому. Дао, обретшее энергию Дэ — то, из чего возникла Вселенная. Конечно, мы до сих пор не знаем, что именно в начале времен взорвало бесконечно малую точку материи в момент Большого Взрыва. Как верно говорит старик, мы тем более не знаем, из какого источника это точка приобрела энергию, которая, допустим, называется «Дэ». Инь и Ян похожи на положительный и отрицательный заряд частиц, из которых состоит Вселенная. Протоны и электроны, первооснова материи. В то же время, если Дао, как он говорит, заранее четко запрограммировано, это может идти вразрез с неопределенностями квантового мира. Хотя по большому счету это не аргумент. Мы ведь до сих пор слабо представляем себе, как устроен этот самый квантовый мир.

Тем временем мудрец прикрыл глаза, чтобы в них не светило солнце. Я встревожился, что он заснет, а мне хотелось продолжать его слушать.

— Почему вы разрешили этим утром записать учение?

— Потому что оно не принадлежит мне. Чаша, наполненная водой, не может в себя ничего принять. Только отдавший что-то владеет этим. Передав учение людям, я стал действительно свободным.

— И вы полагаете, что знаете все об окружающем мире?

— Отнюдь. Знать, как ничтожно мало ты знаешь — признак величия ума. Не осознавать, как ничтожно мало ты знаешь — болезнь духа. Мудрый человек может не знать многого. А тот, кто знает многое, чаще всего не мудр.

— Мастер Лао-Цзы, почему вы ничего не взяли с собой в дорогу? Все те годы, что вы служили правителю Чжоу, вы получали щедрое жалованье. У вас наверняка осталось в столице немало имущества и денег.

— Если у тебя нет денег, тебе не страшны разбойники на дороге. Кто имеет много, потеряет больше, чем тот, кто имеет мало. Место, где можно поесть или остановиться на ночлег, я найду всегда. А если даже и нет, тогда с удовольствием засну прямо под звездами, а утром утолю голод лесными ягодами. Все, что у меня есть, находится во мне. И я не понимаю, что еще кроме этого человеку может быть нужно.

Мне показалось, что философ посмотрел на солнце, чтобы проверить, не склонилось ли оно уже слишком низко над горизонтом. Мне стало неловко задерживать его расспросами. Но, кажется, мы нашли общий язык. Возможно, ему понравилась моя любознательность. Или он счел интересной мою внешность. Ведь людей с Запада ему вряд ли доводилось встречать.

Учитель положил руку мне на плечо и улыбнулся.

— Ты выглядишь намного лучше, чем в то мгновение, когда я впервые увидел тебя. Спокойнее. Я редко даю советы. Жизнь сама учит человека лучше любого наставника. Но все же скажу. Ты явно пытаешься стать тем, кем не можешь быть. Трепетной антилопе не стать тигром, и наоборот. Делай только то, что хочешь ты, а не то, что тебе говорят. И помни, что ты не должен творить зло, вмешиваясь в чужое дао, нарушая счастье других людей. Просто вернись к своему началу, к истоку.

— Прямо сейчас закрой глаза. Я обычно проделываю это недолго, но каждый день. Делай это тоже, когда будешь оказываться в одиночестве. Дыши спокойно, медленно. Сделай две простые вещи. Отбрось все дурные, вредные или суетные мысли. Ведь именно из-за них мы совершаем в жизни ошибки; подгоняемые ими, мы постоянно вредим сами себе. Затем обрати взор внутрь себя. Почувствуй себя песчинкой необъятного мира: она слаба, но без нее Вселенная все равно была бы неполна. А дальше, когда ты научишься хорошо делать эти два необходимых шага, в твою голову потекут новые, прекрасные мысли. Это и будет третьим шагом. Чтобы стать тем, кем ты хочешь быть, прежде всего надо обрести свободу от того, чем ты являешься сейчас. Расслабься.

Кажется, я просидел так недолго, пару минут, или даже меньше. Но за мгновения у меня перед глазами пронесся целый мир. Я видел над собой вращающуюся хрустальную сферу, из которой лился мягкий свет, слышалась музыка, ощущались приятные ароматы. Это был словно яркий красивый сон, пронесшийся вихрем, как один миг. Я открыл глаза, и хотел спросить, что это было.

Но рядом со мной уже никого не было. Я был совершенно уверен, что он не мог уйти так, чтобы я не заметил или не услышал. Я резко встал на ноги, окликнул его, всмотрелся вдаль. Никого. Только тишина и тихие шорохи весеннего предвечернего леса.

Я осознал, что мне надо срочно, прямо сейчас, написать о встрече с Лао-Цзы. Поделиться основами его учения со всем миром, не расплескав по дороге ни капли.

Ведь это было гораздо больше, чем просто мое задание, работа, профессия или ремесло.

Это было мое личное Дао.

Глава 3

НАСЛАЖДЕНИЕ ПОРЯДКОМ (Конфуций)

Место: Древний Китай, город Цюйфу, столица царства Лу
(современный восточный Китай)

Время: 506 год до нашей эры

Это было трудное, жестокое, кровавое время. Великая многовековая империя Чжоу окончательно распалась, и на ее обломках возникло более сотни независимых китайских государств — от крохотных до достаточно крупных.

Войны этих государств (а иногда и просто городов) друг с другом шли почти безостановочно. И даже те страны, чьи правители предпочитали мир, жили в постоянном страхе перед соседями. В те годы немногие мужчины в Китае доживали до преклонного возраста. Большинство погибали в боях, а многие из уцелевших умирали от голода: уберечь свой урожай от разбойников было почти невозможно. Понятий о милосердии у воюющих сторон не было. Женщин и младенцев сжигали, иных закапывали живыми. Разрубить человека на части значило дать ему умереть быстрой, легкой смертью. Старинные пергаменты сохранялись лишь в нескольких крупных библиотеках, остальные в хаосе тех десятилетий были сожжены или просто утеряны. Великая история и традиции древнего Китая теперь оказались почти повсеместно преданы забвению.

Впрочем, были и такие государства, где жизнь (благодаря здравому смыслу их правителей) текла спокойнее, чем в других. Одним из таких мест было царство Лу, где правили князья из рода Цзи, родственники бывших императоров Чжоу. Царство Лу находилось на востоке, на берегу Желтого моря,

между государствами Ци и Вэй. Ее столица Цюйфу была не таким уж большим городом, но она возвышалась на величественном холме, откуда открывался великолепный вид, и была окружена мощнейшими каменными стенами. Отовсюду Цюйфу казалась неприступной крепостью.

Ночью эти стены выглядели особенно зловеще. В этот раз мне пришлось освоить новое для себя ремесло: я стал колесничим. Мне надо было подвезти одного человека. Еще вчера этот человек был ученым и чиновником, уважаемым всеми. Но теперь, в самом расцвете своей жизни, он, словно вор или загнанный зверь, тайком, один, был вынужден бежать из царства Лу, презираемый и, кажется, никому больше не нужный. В те времена судьба любого человека могла перевернуться в один миг.

Ночью шел сильный дождь, и единственная принадлежавшая ему телега, угодив в канаву с водой прямо у порога его дома, из-за сломанной оси пришла в негодность. Я правил колесницей с двумя сильными, хорошо обученными лошадьми, и, узнав о его беде, ринулся ему на помощь. Но сделал все так, чтобы происшедшее показалось философу случайностью.

Когда я увидел его вблизи (пусть даже в бледном мерцающем свете луны), он произвел на меня сильное впечатление. Это был очень видный человек, высокого роста, широкоплечий, с длинными густыми и еще почти не седыми волосами, заплетенными на старый китайский манер. В этот миг он бессильно стоял у своей разбитой телеги в глубокой грязи. В его фигуре и позе было что-то величественное и трагичное одновременно. Рядом хлопотала, плакала и что-то нервно выкрикивала его миниатюрная, просто одетая жена, внешность которой, напротив, была ничем не примечательна. Приблизившись, я предложил ему свои услуги. Человек, оглянувшись (его лицо было строгим, с правильными чертами), сначала отнесся ко мне с явным недоверием. Но его положение, очевидно, было отчаянным, и другого выхода у него не было. Тем более, что я запросил за свои услуги умеренно, несмотря на то, что путь предстоял очень длинный. Человек собирался в соседнее царство Вэй, до границы которой было не менее двух дней езды. Вопреки явно высокому социальному статусу

и врожденному благородству, он, кажется, был небогат. Я согласился принять плату не золотом, а несколькими горстями странных на вид железных фигурок разной формы, которые здесь ходили как деньги. Вещей у путника было немного: кое-какая одежда и скромная деревянная коробка с пергамен-тами, очевидно, написанными им самим.

Я помог ему переложить вещи в мою колесницу. Жена с новым приступом плача бросилась к нему на шею, но он довольно грубо оттолкнул ее. Строго и без всякой приязни приказал ей не поднимать шум, чтобы не разбудить соседей, и возвращаться домой. Добавил всего пару слов о сыне (видимо, тот был ребенком, и в это время спал дома), наказав ей воспитать его достойным человеком. Когда он сел в мою колесницу и приказал трогаться, то даже не обернулся, чтобы бросить взгляд на то, что, очевидно, много лет было его родным домом, и где он, возможно, навсегда оставил свою семью.

Первое время стук копыт и грохот жестких деревянных колес по ухабам пустынной земляной дороги, ведущей к городским воротам (каждая встряска древней колесницы отзывалась крайне болезненно в спине и ягодицах) было единственным, что нарушало тишину ночи. Несмотря на то, что я был его спасителем, я спиной ощущал, что человек не горел желанием общаться со мной. Лишь перед самыми воротами он попросил накрыть его сверху вещами, чтобы охранники не узнали его. Я сказал им, что везу заболевшего родственника к знахарям в его родную деревню и затем щедро отсыпал им железных фигурок, чтобы нас выпустили без долгих расспросов.

Еще через пару часов езды дорогу осветили первые лучи рассвета. Мы проезжали мимо деревень, в основном пустых и разоренных. Тут и там виднелись брошенные и покосившиеся небольшие деревянные дома, поля заросли бурьяном. Там, где еще недавно жили тысячи крестьян, теперь было сплошное вымершее пространство.

Мой пассажир какое-то время спал, а проснувшись, видимо, пришел в лучшее расположение духа. Я предложил ему ненадолго остановиться, чтобы перекусить сухими рисовыми лепешками, которые у меня были с собой. Мой новый знако-

мый ответил, что нам нельзя терять времени, но затем голод взял свое, и он согласился. Завтракал он с видимым удовольствием. Чтобы как-то разговорить спутника, я спросил, что он чувствует, когда обстоятельства заставляют его бросить дом, семью, расстаться навсегда со всей прежней жизнью. Но он даже в такой ситуации не собирался терять лицо перед простым возницей и жаловаться на судьбу. Ответил коротко:

— Не стоит бояться перемен. Чаще всего они случаются именно тогда, когда необходимы.

Задумался ненадолго, и затем добавил:

— Если ты ненавидишь, значит, тебя победили. То, что ты можешь воспринимать спокойно, больше не управляет тобой. Надо прощать людей, даже если они обошлись с тобой несправедливо.

Благородного чиновника звали Кун-Цзы (некоторые из большого почтения называли его более официально — Кун-Фу-Цзы, что означало «мудрый учитель Кун»). Он коротко представился мне после того, как переоделся и совершил краткую молитву Всемогущему Небу. Кажется, даже сейчас он считал недопустимым быть одетым неподобающе своему положению и времени суток. Когда мы снова поехали, он опять глубоко погрузился в мысли, не горя желанием делиться ими со мной. Но я все же спросил:

— Вы были в Лу высокопоставленным чиновником? Если да, то из-за чего мы так спешим? Что вам угрожает?

— Не поговорить с человеком, который достоин этого — потерять для себя этого человека. Говорить с человеком, который этого не достоин — впустую потерять свои слова, что еще хуже. Зачем ты докучаешь мне вопросами?

— Потому что, как мне кажется, вы — прирожденный учитель и очень образованы.

— Даже если и так, какой мне смысл обучать того, кто вряд ли поймет хотя бы ничтожную часть сказанного мной?

— Как хотите. Но ответьте хотя бы на один вопрос. Вы знакомы с мастером Лао-Цзы?

Низкий, звучный голос бывшего чиновника был полон искреннего удивления.

— Ты, неграмотный возница, слышал о сем великом мудреце?

— Я много читал. А об этом достойнейшем учителе слышали многие люди во всех частях Поднебесной.

— Верно. Я встречался с ним лично два раза. Первый раз — мельком. Еще совсем юнцом меня, уже хорошего мастера каллиграфии, послали из Лу в библиотеку Чжоу сделать копии старинных пергаментов. Тогда я лишь видел его, но мы не разговаривали. Второй раз случился лет пятнадцать назад. Меня как посланника направили в княжество Ци вручить местному правителю документы. Лао-Цзы перебрался туда на склоне лет. Мы встретились случайно на окраине деревни близ окутанного туманом красивого зеленого холма, где он сидел на большом камне и что-то рассказывал прохожим. Он был уже очень стар и почти слеп. Я представился, хотел поделиться своими идеями. Но он, лишь мельком оглядев меня, посоветовал умерить гордыню и смириться с тем, что я всю жизнь буду скитаться по разным странам, и что при жизни мои идеи так и не будут воплощены. Тогда мне эти слова показались забавными — что вообще этот старик мог знать обо мне? Но как раз сейчас я задумался над тем, что он, возможно, был не так уж и неправ.

— Так что же случилось с вами?

— Всю жизнь, с детства и до вчерашнего дня я старался каждую минуту служить во благо обществу. Ведь это — главное призвание благородного человека. Я родился в знатной семье, но мое детство было тяжелым. Мой отец, признанный воин и герой, был женат трижды, но все его жены рождали только девочек. Не иметь наследника — позор. Отчаявшись, уже в старости он женился на юной безродной наложнице, пусть это и не принято. Она, наконец, подарила ему долгожданного сына — меня. Вскоре отец умер, и мою мать со мной на руках выгнали из дома его старшие жены. Чем мне только не приходилось заниматься с раннего детства, чтобы заработать на кусок хлеба для себя и для нее. Я был пастухом, и благодаря этому научился считать. Смотрителем амбаров с зерном, где мне пришлось научиться писать. Ночами я читал старинные пергаменты, запоминал как можно больше иероглифов. Затем

стал жрецом в храме: в мои обязанности входило общение с духами умерших. Родственники умерших требовали, чтобы я делал это для них по многу раз в день. Именно тогда я понял, что, хотя духи сильны и существуют на самом деле, человеку надо держаться от них как можно дальше, чтобы не лишиться собственного рассудка. Наконец меня заметил кто-то из приближенных правителя, и мечта всей моей жизни сбылась. Я стал чиновником и смог начать полноценно служить обществу. Но моя радость длилась недолго. Я стал часто ездить по разным важным поручениям за границу и ужаснулся тому, что творится в соседних царствах. Я понял, что великого Китая, о котором столько прекрасного написано в древних пергаментях, больше не существует. Общество расколото, всюду война и страдания. Каждый человек думает только о себе и своей быстрой и легкой наживе. В современных царях не осталось и крупинки былой мудрости и благородства. Что же это за правители, если они не пекутся о вверенном им народе, простых людях, так, как должен заботиться о своих детях внимательный и чуткий отец? Ведь счастье или беды любого народа прежде всего зависят от того, как устроено общество, каковы его ценности и как организовано государственное управление. Я потратил годы жизни и размышлений, но в итоге продумал абсолютно все, вплоть до мелочей. Затем я решился поделиться своими идеями с правителем. К счастью, он оказался мудр, воспринял мои предложения с интересом и даже пообещал утвердить некоторые из них как непреложные законы. Но почти ничего так и не было принято. Зато против меня оказались настроены главы трех самых влиятельных в царстве семей, так как мои идеи, став законами, могли лишить их немалой части доходов. Моя репутация в глазах правителя была настолько чиста, что просить мой отставки они не могли, но они явно искали способ от меня избавиться. Ко мне подсылали в ночи убийц, но мои молодые ученики, которых у меня набралось к тому времени две сотни, были настороже. Главный военачальник, чтобы скомпрометировать меня, предложил мне сместить правителя и занять его место, но я гневно отказался. И все же трагедия случилась. Из одного из дружественных соседних царств правителю присла-

ли дорогой подарок: шестьдесят прекрасных юных наложниц. Он развлекался с ними три дня напролет, еще и пьянствуя при этом. Опоздал на заседание Совета, а когда появился, то был нетрезв и одет в мятую домашнюю одежду. Все сделали вид, что ничего не произошло, но я, преисполненный праведным гневом, тихо и вежливо, шепотом, сказал ему, что государю не к лицу такое поведение. Мне казалось, что он устыдится. Как я ошибался. Он, всегда относившийся ко мне с уважением, швырнул в меня глиняную чашку. Сказал, что я, ничтожный пес, не имею права говорить ему такие вещи. Стража хотела обезглавить меня, но он дал им знак отступить, пообещав, что через день соберет Совет, который определит форму моего наказания. Зная, как много в нем моих недоброжелателей, я не стал испытывать судьбу и решил бежать этой ночью.

— А как же ваши ученики? Они знают, что произошло?

— Я специально не стал никого из них впутывать в это дело. К тому же, их слишком мало, чтобы они могли послужить мне защитой. А даже если бы их было много, я бы никогда не затеял бунт с их участием. Я скорее умру, чем принесу своей стране боль, вражду и несчастья.

— Что вы теперь собираетесь делать?

— Я пару раз бывал при дворе царства Вэй. Им управляет овдовевшая молодая правительница. Я общался с ней, и она тогда живо заинтересовалась моим учением. Сказала, что ее окружение то и дело плетет против нее интриги, и ей жаль, что у нее нет такого мудрого и преданного советника, как я. Она также воспитывает сына, будущего князя Вэй, но не может найти ему достойного ученого наставника, просила моих рекомендаций. Я решил попытать счастья у нее.

Солнце взошло уже достаточно высоко. Мне было радостно от того, что Кун-Цзы все же счел меня достойным слушателем. Время от времени бывший чиновник с тревогой оглядывался назад. Наверняка о его бегстве успели доложить правителю, тот мог разгневаться и отправить своих людей в погоню. Но позади нас была тишина.

— В чем суть вашего учения? Что может сделать страну и ее людей счастливыми и богатыми? И если весь Китай

почитает мудреца Лао-Цзы, как соотносится ваше учение и его?

— Я, как и все, чту труды Лао-Цзы. Но сам исследую совершенно другие вопросы. Да, я верю во Всесильное Небо, которое, почти как его Дао, управляет всем на земле. Но меня это не интересует. Зачем изучать путь Дао, если мы не можем его никак изменить? Признаться, если бы кто-нибудь пообещал мне за одну мелкую монету рассказать в точности, кто, как и зачем сотворил этот мир и чем все когда-нибудь закончится, и даже что станет с нами после смерти, я бы отказался от такого знания. Для какой практической надобности оно может пригодиться? И для чего вообще нам что-то знать о смерти, если до сих пор мы почти ничего не знаем о жизни? Размышления о Вселенной пусты. Правильно думать только о человеке. Как помочь ему сделать его жизнь долгой, счастливой, достойной? Как построить из эгоистичных личностей общество людей, которые желают друг другу добра, радуют только о мире и взаимопомощи? Вот единственная истинно важная тема.

— Но как вы сами пришли к учению о всеобщем благе? Разве ваше изгнание не свидетельствует о том, что благородных и достойных в жизни ничтожно мало? Вы не сдадитесь?

— Три пути ведут к знанию: путь размышления, и этот путь самый благородный; путь подражания — самый легкий, и путь опыта — самый горький. Однако, увы, самый верный — именно последний. Не тот велик, кто не падал, а тот, кто падал и вставал. Драгоценный камень нельзя отшлифовать без трения. Так и настоящего успеха в большом деле нельзя добиться без множества трудных и неудачных попыток. Я буду делиться учением с людьми где угодно, куда я жив, до последнего вздоха.

— Но разве может быть идеальным целое общество и тем более государство? Ведь любое сообщество людей всегда приходит к противоборству разных сил внутри него. И всякий раз неизвестно, зло или добро в конечном итоге окажется сильнее.

— Правильное общество подобно крепкой, любящей семье. Обычная семья — это самая маленькая, но при этом важней-

шая его ячейка. Секрет хорошей семьи — безмерная, искренняя преданность и послушание детей своим родителям. Если ночью в дом налетели комары, дети должны намазать на себя что-то сладкое, чтобы все укусы комаров достались им, а сон их родителей не был потревожен. Для детей слово отца — даже более непреложный закон, чем законы государства. Следующая, более крупная ячейка — это род, все родственники. Род должен жить дружно, родичи обязаны помогать друг другу, а юноши обязаны вырасти крепкими воинами для своей страны и государя. Чиновники — следующий уровень общества. Хорошие чиновники умны, образованы и абсолютно бескорыстны. В идеальном государстве они вообще не должны получать жалование (кроме еды, одежды и самого необходимого), ведь они и так удостоены высшего блага, о котором можно мечтать: участие в управлении страной и возможность принести ей много пользы. Нечестных чиновников, нечистых на руку, следует прилюдно казнить. Наконец, надо всеми стоит добрый, благодетельный государь, отец всем людям, посредник между великим Небом и народом. Если он правит справедливо и с заботой о людях, то он будет прославлен в веках, а его династия будет продолжаться до скончания времен.

Кун-Цзы сделал паузу и задумчиво погладил свою пышную бороду.

— Жаль конечно, что я сам не рожден правителем. Я был бы лучшим императором, которого только знал мир. Это надо признать со всей очевидностью.

— А как заставить общество жить честно, по законам? Ведь низких людей не меньше, чем благородных.

— Для этого есть Пять основ, они же добродетели и постоянства, которые в обществе следует признать главными ценностями, и на уровне законов всегда им следовать. Первое — «Жень», или человеколюбие. Принимая любое, даже самое незначительное решение, надо спрашивать себя: а поможет ли это окружающим, не навредит ли им? Быть добрым — не трудно, это вполне в природе человека. Попробуйте думать с добром обо всем хотя бы несколько дней, и вы ощутите, что у вас больше рука не поднимется сотворить нечто дур-

ное. Вторая основа — это «И», долг. Перед родителями, родственниками, страной, императором. Третья основа — «Ли», ритуал. Наши древние учителя неукоснительно следовали правилам. Во-первых, они делают твою собственную жизнь упорядоченной и приятной. Во-вторых, бесспорно, идут на пользу обществу. Забудьте о ритуалах, о приличиях, — и вы из человека превратитесь в животное. Грубое нарушение ритуалов я не смог простить даже своему правителю, за что и поплатился всем, что имел; но, повторись все снова, я еще раз сделал бы ему то же замечание. Наконец, четвертая и пятая основы — это знание и честность. Всякий благородный муж должен всю жизнь учиться, ибо знания бесконечны, а также никогда не лгать, даже под угрозой смерти.

— А что следует делать со злом? Правильно ли отвечать на него добром?

— Добром надо отвечать на добро. А на зло необходимо отвечать справедливостью. При этом к самому себе всегда следует подходить строже, чем к другим. Только таков путь к самосовершенствованию.

— Учитель, не слишком ли вы много требуете от людей? По силам ли им быть благородными?

— Благородству надо учиться всю жизнь. В этом нет ничего недостижимого. Неважно, быстро или медленно ты идешь. Ты все равно придешь к своей цели, если только не остановишься.

— Но разве ваше учение не приносит вам одни только несчастья и разочарования?

— Счастье — это когда тебя понимают. Большое счастье — когда тебя любят. Но истинное счастье — это когда любишь кого-то ты сам. Я люблю людей, и готов пострадать ради их блага. Я вижу, что многим простым, особенно неграмотным, людям мои речи кажутся сложными, и они часто внимают мне с недоверием. Но я не огорчаюсь, если люди меня не понимают. Гораздо хуже, когда я не понимаю людей.

— Учитель, а что если я тоже в душе добрый человек и стараюсь работать над собой, но у меня не всегда хватает сил и времени на добрые дела? Мне кажется, что для них еще будет время.

— Три вещи никогда не возвращаются: упущенное время, необдуманное слово и потерянная возможность. Побороть любую дурную привычку (в данном случае — эгоизм и лень) можно только сегодня, а не завтра. Когда мы доберемся до границы, там будет что-то вроде ночлежки для слабых и старых людей. Не теряй возможности, зайди туда хотя бы на час. Набери им воды, наруби дров. Для добрых дел нужны не деньги, достаточно и добрых намерений.

— Учитель, я часто хочу многое изменить в моей жизни. Но дальше мыслей дело не заходит.

— Ты просишь совета? Что ж, это хорошо характеризует тебя. Обычно люди советы принимают каплями, а раздают ведрами. Дело в том, что ты боишься серьезных перемен. Но если хаос настойчиво стучится в твой дом, открой ему. Он-то и расставит все по нужным местам. Когда кажется, что цель недостижима, изменяй не цель, а план, как ее достигнуть.

— А если я ошибаюсь, и перемены пойдут мне во вред?

— Ошибка — это не когда ты ошибаешься, а когда не исправляешься. Что мешает тебе попробовать, а если не получится — извлечь опыт, и попробовать еще раз, уже с новым уровнем знания? Наша жизнь — это путь постоянного совершенствования.

Я и учитель Кун вздрогнули почти одновременно. Позади, пока еще на большом расстоянии, но совершенно явственно слышался мощный топот лошадиных копыт. Преследователи. Вероятно, правитель послал их, чтобы его советник не ускользнул и понес суровое наказание за свою вчерашнюю неслыханную дерзость. Перечень долгих, страшных и мучительных казней в древнем Китае был необъятным. Я обернулся к нему. Высокий, величавый еще минуту назад человек вжался в деревянное сидение, сгорбившись и втянув плечи, в его глазах светился страх, граничащий с отчаянием.

Я изо всех сил подхлестнул лошадей, но состязание в скорости с наездниками было неравным. Спустя недолгое время они были уже за нашими спинами. Я боялся, что они начнут стрелять в нас из луков. Впереди, прямо посреди дороги, как назло, виднелась глубокая прогалина, наполненная водой

и грязью, преодолеть которую на скорости, не разбив колесницу, было невозможно. Мне пришлось резко осадить лошадей. Я оглянулся. Преследователей было трое; они казались молодыми, почти юными, и были одеты не по-военному.

Кун-Цзы закрыл глаза — возможно, читая короткую молитву Небу. Затем резко оглянулся. Тут же вскочил на ноги, вне себя от радости.

— Цзэн-Цзы! Ю Жо! Янь Юань!

— Учитель, как вы могли покинуть нас, не взяв с собой? Как мы можем жить, не следуя вашему учению?

— Я не хотел навлечь на вас беду!

— Мы узнали о вашем отъезде на рассвете и сразу же, бросив все, поспешили за вами!

Молодые ученики клялись учителю в верности и обещали следовать за ним куда угодно. Я понял, что моя дальнейшая помощь Кун-Цзы уже не требуется. Перед тем, как уйти, я задал ему еще один, последний вопрос.

— Вы могли бы сформулировать главную идею вашего учения в одной фразе?

Он обернулся ко мне с улыбкой.

— Разумеется. Не делай другому того, чего не желаешь себе.

Это было известное во все века так называемое «золотое правило нравственности». Задолго до христианских мыслителей, впервые в истории, его сформулировал этот китайский мудрец две с половиной тысячи лет назад.

Я долго стоял на грязной проселочной колее, глядя им вслед. Я знал, что в государстве Вэй дела у Кун-Цзы вновь не сложатся, он сменит еще несколько покровителей, история повторится и с ними. В старости ему придется вернуться домой, в княжество Лу, которое он сейчас так спешно покидал, и встретить там смерть: по-прежнему в бедности, и по-прежнему в кругу верных учеников. На закате жизни Кун-Цзы напишет несколько книг, которые не оценят современники — и они сохранятся в библиотеках после его смерти лишь по счастливой случайности.

Эти книги миллиарды китайцев всех последующих эпох будут знать наизусть.

Глава 4

НИЧЕГО СНАРУЖИ, ВСЕ В ТЕБЕ (Будда Шакьямуни)

Место: Древняя Индия, Бенарес (современная северо-восточная Индия, город Варанаси)

Время: 522 год до нашей эры

Индия. Такое разнообразие красок, вкусов, запахов, архитектуры вряд ли можно еще где-либо увидеть. Я отметил про себя, что за две с половиной тысячи лет эта страна почти не изменилась.

Я стоял на берегу Ганга, в Варанаси, который уже тогда был священным городом индуизма. Вокруг было настоящее столпотворение. Погонщики слонов громкими криками разгоняли прохожих на своем пути. Берега великой реки были застроены длинными каменными трех- и даже пятиэтажными зданиями, которые для столь древних времен казались настоящим чудом. Передо мной был практически людской муравейник. Яркая одежда, сильный запах пряностей в воздухе, миниатюрные смуглые девушки с гибким станом, множество торговцев едой и самыми разными товарами. Оказавшись здесь, я просто стоял, замороженный открывшимися видами. Нет, древность не была скучной, отсталой, убогой. Напротив — колорит, краски, эмоции, архитектура вокруг поражали воображение.

Варанаси и тогда, и сейчас был главным местом религиозного поклонения на берегах Ганга. Здесь построены десятки величественных храмов, посвященных в основном Шиве. На каменных лестницах, ведущих от храмов к реке, лежали десятки тяжелобольных и умирающих людей. Они с нетерпением ждали смерти, кремации, чтобы их прах был развеян над

великой рекой. Мимо жалких неприкасаемых, почти голых, сидящих спиной к спине человек по десять в смердящей грязи отхожих придорожных канав, следовали грандиозные экипажи с величественными брахманами, чьи одежды из тонких цветных тканей были украшены искусной вышивкой и драгоценными камнями и источали ароматы мускуса и дорогих специй. Отовсюду доносилась резковатая, нестройная музыка. Возницы то и дело с криками разгоняли хлыстами незнатных прохожих, невовремя замешкавшихся на их пути.

Вдоль реки стояли длинные деревянные обозы, на которых с почетом, цветами и неспешными проникновенными молитвами сжигали трупы умерших. Вода Ганга в центре Варанаси казалась черной от высыпаемого в нее праха людей. От реки тянуло запахом нечистот, но множество людей, в основном женщин, наклонялись, чтобы набрать воды для домашних нужд в большие кувшины. Некоторые пили прямо из реки, зачерпывая мутную и грязную воду ладонями.

Я шел дальше вдоль берега, наблюдая один погребальный костер за другим. Внезапно окружающий шум, к которому мой слух уже начал привыкать, пронзил громкий и отчаянный детский крик. Я невольно оглянулся в сторону кричавшего. Открывшаяся картина столь сильно поразила меня, что я вряд ли смогу ее забыть. Двое высоких, в ярких одеяниях и высоких головных уборах мужчин не торопясь, обстоятельно привязывали юную, смуглую, с тонкой талией девушку к обозу для погребального костра, где уже лежал труп полного пожилого мужчины с окладистой бородой. Очевидно, это был обряд сати, когда живую жену, согласно древнеиндийским обычаям, сжигали вместе с умершим супругом, чтобы она могла сопровождать и ублажать его также и в мире мертвых. Я бросился помочь ей, но двое крепко сложенных индийцев оттолкнули меня с такой силой что я упал на землю. Встав, я снова попытался вмешаться, но получил еще один сильный удар в спину. Тем временем брахман, прочтя молитву, факелом поджег связки соломы, на которых сидела девочка. Почти сразу весь обоз объяло пламя, а жуткие предсмертные крики несчастного ребенка вскоре стихли в громком треске большого огня.

С трудом взяв себя в руки, я быстро зашагал прочь от этого места и от грязного, смердящего берега реки.

Я окликнул колесничего, попросив его довезти меня в Оленью рощу. Она находилась за пределами Варанаси, километрах в десяти к северу. Здесь был густой лес, принадлежащий местному радже. В этом живописном природном уголке водились антилопы и олени, на которых раджа иногда охотился вместе со своими высокородными гостями. Посторонним в рощу входить не воспрещалось, однако людей там было немного: все знали, что местная трава буквально кишит смертоносными королевскими кобрами. А тех смельчаков, которых не пугала встреча с коброй, отталкивала возможность встретить одного из суровых аскетов, которые часто находили приют в этой роще. Их облик был настолько неприятным, что желающих повстречаться с таким отшельником было немного.

Но как раз эти люди, чрезвычайно странные во всех отношениях, мне сейчас и были нужны.

Издали аскеты казались похожими на неподвижные растения. Их было пятеро. У каждого — длинные, лоснящиеся жиром волосы и жутковатые, годами нестриженные ногти на руках и ногах. У некоторых волосы были длиннее метра и закручивались в причудливые космы. Аскеты сидели под деревьями одной тесной группой, неподвижно, в позе лотоса. Казалось, что они не меняли позу по многу дней подряд, а может, и по многу недель. Питание этих людей часто состояло из одного-единственного зернышка риса в день. Но порой, стремясь к некоторому разнообразию, они охотно ели траву под своими ногами, закусывая ее лепешками из слежавшегося коровьего навоза.

Старший из аскетов лежал в густой траве под раскидистым баньяном, одетый в древесную кору. Когда я приблизился, он повернул ко мне голову и открыл глаза. Более страшного взгляда я не видел еще никогда. Его глаза — и зрачки, и белки — были абсолютно желтыми. Казалось, на меня взирала сама преисподняя.

Я взял себя в руки и протянул ему небольшую миску с кашей, которую купил на базаре в Варанаси. Отшельник заши-

пел на меня, оттолкнул миску ногой, и каша разбрызгалась по траве. Один из его спутников что-то выкрикнул и швырнул в меня комком навоза. Я сделал вид, что благодарен мудрым отшельникам за радушный прием и попросил разрешения остаться с ними ненадолго. Объяснил, что у меня нет в Индии ни одного родственника, ни жены, ни детей. Я пришел к ним с нижайшей просьбой не отталкивать меня и помочь в познании мира.

Наконец этот старший из пятерых аскетов по имени Брамачарин жестом дал своим единомышленникам разрешение, ползая на четвереньках, собрать остатки каши в густой высокой траве. Видимо, они давно не вкушали столь изысканной пищи. Глядя на их внешность, можно было подумать, что они давно забыли нормальную человеческую речь. Однако когда Брамачарин наконец заговорил со мной, его речь звучала связно, разумно, образно, и выдавала его изрядный интеллект. Я еще раз поблагодарил его и попросил разрешения помедитировать среди них хотя бы до заката.

Раздетый до набедренной повязки, я занял место под толстыми ветвями баньяна, где солнце палило не так нещадно. Скоро мне захотелось пить, но, когда я увидел общую плошку, наполненную грязной серой водой, моя жажда сразу утихла. Я прислушивался к шорохам в траве, которые могли означать приближающуюся огромную кобру, но все было спокойно, и через недолгое время, сидя почти обнаженным в тени в позе лотоса, я погрузился в дрему. Перед моим внутренним взором мелькали яркие образы — люди и события, которые почему-то в этом месте, в полусне, казались мне даже более настоящими, чем если бы я их видел на самом деле.

Разбудили меня шум и крики отшельников, когда солнце уже начало клониться к закату. Кричали они столь громко, что сперва я подумал, будто они увидели разозленного слона или даже тигра — нечто страшное, сильно их напугавшее. Однако это были не звери, а люди: к нам неспешно приближались трое. Шедшего впереди я сумел рассмотреть внимательно.

Это был довольно высокий для индийца, статный, широкий в плечах, и в то же время очень поджарый человек с коротко стриженными волосами необычного для Индии рыжеватого цвета, довольно светлые. Черты его лица были правильными, но трудно было бы назвать его красивым. Привлекательным было скорее выражение его лица — чрезвычайно спокойное и уверенное. За ним почтительно следовали двое скромно одетых молодых людей непримечательной внешности.

При виде этой троицы аскеты, с ужасом вскочив на ноги, принялись кричать и кидаться комьями грязи, изрыгая изощренные ругательства сразу на нескольких древних языках. Но человек, в которого попало несколько комьев, словно не обращал на такую реакцию никакого внимания — будто ничего другого от отшельников и не ожидал. Старший аскет негодовал сильнее всех. Приблизившись к пришедшему, он грозно указал на него пальцем:

— Презренный Гаутама! Изменник! Сластолюбец! Как ты вообще посмел вновь появиться здесь спустя столько времени? Боги обрушат на тебя весь свой гнев! Шива разотрет тебя в порошок за твою гордыню и непомерные грехи!

Человек просто стоял, молча глядя в лицо аскету. Из дальнейшей гневной отповеди я понял, что пришедший когда-то был одним из них, и даже прожил с ними долгое время — похоже, несколько лет, но затем покинул их общину и выразил несогласие с их образом жизни, назвав их «глупыми и бесполезными», чем оскорбил аскетов до глубины души. Люди всегда особенно сильно ненавидят тех, кого когда-то любили.

— Преклони колени, несчастный, в свой смертный час! Шива поразит тебя своим вселенским огнем! Нет тебе прощения ни в этой жизни, ни в следующих!

Дождавшись окончания тирады и словно наслаждаясь наступившей тишиной, подошедший заговорил. Его голос был негромким, невероятно спокойным и словно повелевающим:

— Один день человека, узревшего Истину, ценнее целой жизни того, кто о ней не знает. Забудьте о Шиве и всех остальных ваших богах. Их не существует. Вы сами их выдумали.

— До чего же ты возгордился, уйдя от нас, Гаутама. Твой разум явно помутился. Как смеешь ты говорить, что великие боги, создавшие мир и управляющие им, не существуют? Не позорь своим дерзким пустословием славный род Шакьев. Это надругательство над памятью твоего отца!

— Не смейте звать меня Гаутамой. Меня прошлого более не существует: я узрел свет ослепительной истины и пробудил свой разум. Сюда же я пришел, чтобы принести вам весть об этом.

— Уж не считаешь ли ты себя Буддой, великим Пробужденным? Даже из тысяч святых отшельников Буддой еще никто не стал при жизни. И уж точно им не стать тебе, предатель!

Выкрики и оскорбления аскетов на человека, похоже, производили впечатление не большее, чем комариный писк. Казалось, что его вообще ничто не может вывести из себя. Он продолжил:

— Знаете, почему хороший музыкант никогда не тянет струну ни слишком сильно, ни слишком слабо? Потому что тогда он либо порвет ее, либо не издаст ни звука. Хороший музыкант играет на струнах плавно, натягивая их примерно на половину от возможного. Так же поступает и мудрый человек: он ступает аккуратно посередине: не поддается похоти и соблазнам, но и не впадает в крайнюю аскезу. Отказывая себе абсолютно во всем, вы лишь напрасно изводите собственные тело и ум.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе ведом другой путь достижения мокши — религиозного экстаза?

— Я знаю, как добиться несоизмеримо большего. Я мог бы открыть вам прямую дорогу в нирвану. В ней можно слиться духом со всей Вселенной, отринув навечно любое из страданий.

— И кто же из великих брахманов поделился с тобой этим тайным знанием?

— Я первый среди людей, родившихся с начала времен, которому открылось это знание. Это стоило огромных усилий. Покинув вас, я долго скитался и почти потерял надежду. Я понял, что мне незачем жить в мире дальше, не зная истины. Я просидел неподвижно под деревом Бодхи 49 дней. Дья-

вол Мара испытывал меня так, как не соблазнял еще никого из смертных. Прозрение пришло ко мне в один миг. Мне стали ведомы тайны сансары — цикла перерождений, счастья, горя, любого знания. Мне не хватило бы целой жизни, чтобы рассказать обо всем, что открылось мне в этот миг. Пробудившись, я долго размышлял о том, должно ли делиться этим Знанием с людьми, или оно принадлежит только мне одному. Я блуждал по саду, где мне случайно встретились двое торговцев. Заметив мою крайнюю нужду после столь долгого поста, они протянули мне с улыбками две медовых лепешки, и за всю свою жизнь я не пробовал ничего вкуснее тех лепешек. Я понял, что это — знак, и обратился к ним с речью. Когда я закончил, они сказали, что будут следовать за мной и помогать проповедовать мое учение до конца своих дней.

Я взглянул на молодых людей, стоявших на почтительном расстоянии от Просветленного. Аскеты собрались в круг, о чем-то тихо переговариваясь. Казалось, интерес к познанным отступником тайнам бытия боролся в них с желанием прогнать его прочь. Шли минуты, аскеты по-прежнему совещались, повернувшись к нему своими изможденными спинами.

Чтобы прервать неловкое молчание, я заговорил первым. Просветленный — а это и был Будда — не знал меня, но даже моя необычная для Индии внешность и светлая кожа, как и все остальное в этом мире, его не смущали.

— О, славный принц из рода Шакьев! Прошу тебя, раскрой нам твою мудрость.

Отшельники, кажется, тоже были не против, хотя из гордости им это и было трудно признать.

— Прежде всего, мне открылись четыре благородные истины. Первая истина заключается в том, что вся человеческая жизнь — это страдание. С болью человек приходит в этот мир, и с болью уходит. Кем бы он ни был, итог всех его жизненных усилий — увяданье, старость, болезни, смерть, нередко мучительная. Кто-то возразит, что в жизни есть немало удовольствий. Однако любому мало-мальски мудрому человеку известно, сколь они мимолетны и непостоянны. Радость

обладания чем-либо вскоре сменяется страхом потери. Кроме того, человек, заполучив что-то, сразу мечтает о чем-то большем, и, не имея этого, вновь испытывает досаду и тоску. Радость любви сменяется ревностью, а затем и огромной болью утраты любимого человека из-за его измены, ухода или смерти. Мне самому довелось обладать всем, чего только может пожелать человек: я жил в великолепном дворце, вкушал изысканные яства, у меня были прекрасные жена и сын, не было числа драгоценностям в моих ларцах и на моих пальцах. Но был ли я счастлив? Иногда мне казалось, что мне хорошо. Но такое чувство всегда было скоротечным. Большую часть времени я ощущал себя глупым и беспомощным как младенец; в душе моей всегда таилась глубокая тоска. И чем дальше, тем сильнее. По-настоящему я жаждал только одного: мудрости и знаний. Когда я обрел мудрость, я стал счастливейшим из людей.

Итак, любое удовольствие — это врата страдания, причем со временем все более сильного. Но в чем источник этих тяжелых страданий, этой неизлечимой болезни души?

На это дает ответ Вторая истина. Источник страданий — это желание, жажда, влечение. Но не они страшны сами по себе, а та привязанность к вещам, людям, образам, которую они порождают. Истина в том, что наши привязанности — основа наших страданий. Привязанность возникает из ложного понимания мира. Нам кажется, что мир — это нечто наполненное и постоянное, и что нечто из него — реально, долговечно и нам принадлежит. Истина же состоит в том, что мир на самом деле совершенно пуст. Все, что, как нам кажется, мы имеем, существует только в нашем личном воображении. Вы любите женщину, и вам кажется, что она любит вас. Но на самом деле то, что происходит в ее душе, вам неизвестно. Вы любуетесь прекрасным золотым кольцом на пальце, но стоит ему соскользнуть и упасть в колодезь, и оно никогда впредь не будет вашим — потому что оно никогда и не было вашим. Вы смотрите на нежно-розовый цвет распутившейся розы, но, когда солнце зайдет, вы обнаружите, что ее цвет — темный, а наутро она уже увянет. Мир внутри человека —

всего лишь иллюзия. Вы уверены в том, что вы существуете. Но для Вселенной вы — ничто, а ваша жизнь короче, чем взмах крыльев бабочки. Все вокруг ежесекундно меняется. Человек... Дерево... Храм... Ничто не имеет «истинной», подлинной сути. Все, что вы видите вокруг, является «настоящим» только сейчас и только в вашем воображении.

Для чего испытывать страсти и привязанности, если все столь призрачно, если мир бесконечно меняется?

Ответ на это дает Третья истина. Тот, кто не испытывает привязанностей, не поддается страстям о преходящем, контролирует свой разум — не подвержен страданию. Им просто неоткуда взяться, и они прекращаются, не начавшись. Если мир воображаем, то почему бы не использовать сокрытые в себе силы, чтобы наполнить себя радостью, постоянным блаженным спокойствием? Забудьте об эгоизме, постарайтесь увидеть вещи не такими, какими вы их хотели бы видеть, а беспристрастно, в их истинном свете. Кто отрекся от всех стремлений, сбросил оковы стремления к секундным удовольствиям, тот никогда не утонет в пучинах страстей. Как ветер не ловится сетью, так и несчастья не пристанут к мудрому.

Вы спросите — как можно добиться прекращения привязанностей и страданий? Как нужно жить, и что благородного, обуздавшего страсти человека ожидает в конце его пути?

Здесь мы приходим к Четвертой истине. Я уже упоминал о наилучшем для человека Срединном пути, одинаково далеком от крайностей. Он также называется Восьмеричным путем. Это путь соблюдения восьми главных заповедей. Первые две — это заповеди мудрости: о правильном воззрении и намерении. Под воззрением следует понимать отказ от страстей, намерение же — это Путь Освобождения. Следующие три заповеди — нравственные. Правильная речь: не лги, не груби, не пустословь. Правильное поведение: не убей, не укради, не изменяй жене. Правильный образ жизни: не ешь мясо, не торгуй оружием, не принимай алкоголь и дурман. Когда вы совладаете с этими пятью заповедями, тогда следуйте еще трем, духовным: правильное усилие, запоминание и сосредоточение. Сохраняйте постоянный полный контроль над своим те-

лом и духом, старайтесь проникнуть в истинную суть и форму вещей, медитируйте. Соблюдать восемь заповедей необходимо неукоснительно. Сколько бы мудрых слов вы ни слышали, какой от них прок, если вы не следуете им? Тот, кто сумеет пройти прямо Восьмеричным путем, в момент физической смерти получит главную, сверхчеловеческую награду. Он не просто навсегда прекратит болезненную, полную разочарований цепь своих перерождений на земле, как об этом твердят брахманы. Его дух также станет частью великой Вселенной в вечной, блаженной, лишенной любых страданий нирване.

Один из аскетов, затаив дыханье слушавший бывшего принца Гаутаму, прервал его:

— Что такое нирвана? Она сулит достигшему ее вечное удовольствие?

— Нирвана стоит выше любых удовольствий. Это — конечная, высшая Цель. Однако объяснить ее понятными нам чувственными земными образами невозможно. Это просто иное состояние духа.

Настроение аскетов резко изменилось. Теперь они наперебой задавали вопросы.

— Люди каких каст могут попасть в нирвану? Только брахманы? Презренные неприкасаемые и шудры после смерти могут переродиться разве что в таракана, или, если повезет, в крокодила?

— Ни один человек не рождается презренным. Презренны только дела. Даже Верховный Брахман достоин презрения, если поступает низко и подло. А человек, рожденный в сточной канаве, но помогающий ближним, заслуживает уважения, и при условии соблюдения заповедей и упорной работы над собой может достичь нирваны, как и любой другой.

— Существует ли карма, предопределена ли человеческая судьба?

— Карма человека меняется каждый день в зависимости от его поступков, которые проистекают от его мыслей. В мире нет ничего предопределенного. Все происходит по воле людей, а не сверхъестественных сил. И если воля людей направлена на добро, то и весь мир вокруг будет добрым.

— Думаешь, люди поверят и пойдут за тобой? Как им жить, когда ты отказываешь им в их богах?

— Зачем нужны боги? Каждый человек — сам себе светило. Самый яркий свет исходит изнутри.

— Ты полагаешь, что все люди, а не только святые или монахи, могут встать на путь умеренности? Добровольно лишиться себя мирских удовольствий?

— Даже если на вашу голову снизойдет дождь из золотых монет, часть из них наверняка подберете не вы. И тогда даже столь приятное событие обернется досадой и недовольством. Мудрец же знает, что от денег мало радости. Истина — вот сладчайший плод этого мира. Самообладание — это главный шаг к ней.

— Значит ли это, что твоему последователю надлежит пребывать в бедности и лишениях?

— Смысл всего моего учения можно уместить в одно слово — Освобождение. Не обладание вещами делает человека рабом, а привязанность к ним. У человека могут быть богатства. Но он должен быть готов расстаться с любой вещью в один миг и без малейших сожалений.

Аскеты, пораженные ответами, отошли под тень дерева, чтобы осмыслить услышанное. Мне же странным образом учение Просветленного навеяло ассоциации с науками о человеческом мозге, исследования которого так активно ведутся в наши дни. Все хорошее или плохое для нас заключено в мозге. Научитесь в совершенстве управлять работой своего мозга, направляйте мысли туда, куда нужно вам. Презирайте боль, не переживайте о недостижимом, не злитесь, забудьте о гневе. Пусть мозг испытывает только хорошие, приятные, спокойные эмоции.

Воспользовавшись перерывом, я подошел к Просветленному. Его внимательные карие глаза излучали особенную энергетику. Двое его спутников хотели подскочить и оттеснить меня, но он дал им знак не беспокоиться.

— Скажи, мудрый странник: если мы не существуем, то кто же тогда сейчас стоит здесь? И если все вокруг — лишь наша иллюзия, то зачем же тогда следовать Срединному пути?